

Бессонница разума

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Новые известия. — 2002. — 21 фев. — С. 6.

Недавно открытое в Москве отделение Института имени Сервантеса не только клуб любителей испанской культуры, но и новая выставочная площадка. Насколько толково она будет эксплуатироваться, покажет время (организации подобного статуса трудно уличить в продуманной выставочной политике), но для премьеры выбран хит. В бывшем особняке Гагариных по Новинскому бульвару демонстрируется альбом гравюр Франсиско Гойи «Капричос».

Из Мадрида доставлен полный комплект эстампов, все 80 листов. Некоторые издания поспешили объявить событие невидалью и сенсацией, что есть откровенная гипербола. Офорты великого испанца встречаются в собраниях российских музеев, а листы из «Капричос» — даже чаще других. К тому же в советское время Гойе отводилась прогрессивная роль обличителя буржуазных нравов, так что репродукции его работ всегда были доступны населению. Но вот увидеть альбом полностью и в оригинале — действительно редкая удача.

В отношении реального возраста экспонатов возникает, правда, одна заминка. Дело в исторических подробностях. После коммерческого неуспеха своих «Измышлений» (так принято переводить заглавие альбома) и недвусмысленных намеков инквизиции насчет безнравственности художник вручил королю большую часть тиража вместе с медными досками, с которых этот тираж отпечатывался. Позднее доски периодически пускались в работу, и лишь недавно допечатку тиражей запретили. Знакомимся мы с листами 1799 года или, скажем, 1935-го — без эксперта не решить. Впрочем, это обстоятельство играло бы роль при купле-продаже, для созерцания оно не принципиально. Живость штрихов и особенностью акватинтной манеры все равно ощутимы.

Франсиско де Гойя был новатором не только в техническом отношении. В «Капричос» он бичевал ошибки и пороки современного ему общества, что долгое время считалось его тематическим вкладом в изобразительное искусство, но это не Бог весть какой эксклюзив. Пожалуй, главное достижение художника — демонстрация могущества подосознания. Сатирические намеки вместе с пламенными обличениями и современникам-то Гойи не всегда были

Вообще-то у Гойи хитов предостаточно. Например, «Маха обнаженная» (ок. 1800).

понятны, а вот внешняя сторона видений, весь этот сонм гравированных кошмаров оказали существенное влияние на искусство. Из последнего альбома «Диспаратес» (Бессмыслицы), который до Москвы не добрался, напрямую вытекают многие мотивы экспрессионистов и сюрреалистов. Но и «Капричос» не сильно отстают в части изобразительной жути.

Возможно, Гойя действительно обозлился на весь мир из-за своей тяжелой болезни, приведшей к глухоте. Известен его мрачный афоризм: «Жизнь — это сплошной клистир». Однако из миллионов брюзжащих мизантропов он выделяется гениальностью и мастерством. Его старухи, прелюбодейки, доктора и прокуроры сосуществуют в пространстве серии с ведьмами, демонами, ослами и летучими мышами. «Сон разума рождает чудовищ» — не только еще один его афоризм, но и название листа из «Капричос». Лозунг вроде бы безраздельно гуманистический, но лишь на первый взгляд. Брали его на вооружение и закоренелые фрейдисты, и последователи Ницше. Помнится, Заратустра хотел приласкать всех чудовищ — значит, и таких, что в «Капричос».

Любопытно, что глубоко-мыслие этой подписи входит в противоречие с косноязычием остальных. Временами заголовки напоминают титры из киношной мелодрамы столетней давности. «Тут ничего нельзя было поделывать» (и еретика препровождают на костер). «Нас никто не видел» (и над пьянствующими монахами склоняется загробная тень). «Куда направляется маменька?» (на шабаш, детки, на шабаш). Такое ощущение, что Гойя сам до конца

не осознавал, что за образы возникали в глубинах его мозга. Для художника XVIII века — немислимый позор, для сегод-

нящих авторов — высочайшее достижение. Впрочем, сомнительно, чтобы Гойя пожелал составить им компанию.